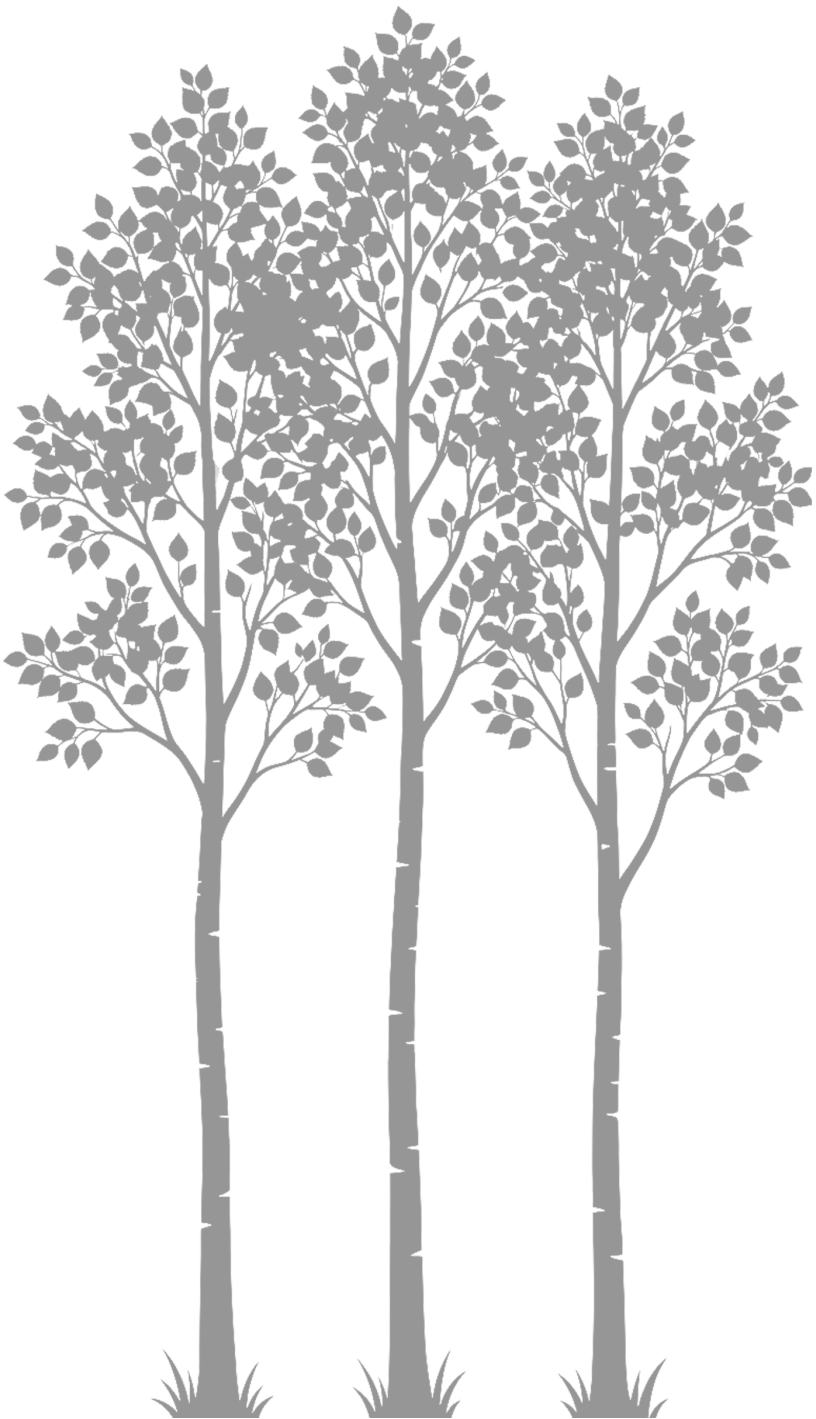

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»
представляет книги
НАТАЛЬИ НЕСТЕРОВОЙ

«А в остальном, прекрасная
маркиза...»

БАБУШКА НА СНОСЯХ

ВОСПИТАНИЕ МАЛЬЧИКОВ

ВСТАТЬ, СУД ИДЕТ!

ВЫЗОВ ВРАЧА

ВЫЙТИ ЗАМУЖ

ГОСТИ СЪЕЗЖАЛИСЬ НА ДАЧУ

ДАВАЙ ПОЖЕНИМСЯ!

ДВОЕ, НЕ СЧИТАЯ ПРИЗРАКОВ

ДЕВУШКА С ПРИВЕТОМ

ДОМ УЧИТЕЛЯ

ЗА СТЕКЛОМ

ИЗБРАННИК ЕВЫ

ИСПЕКЛИ МЫ КАРАВАЙ

ИЩИТЕ КОТА

КОНКУРС КОМПЛИМЕНТОВ
И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ ОТ ПЕРВОГО
ЛИЦА

КОШКИ-МЫШКИ

ЛЮБОВЬ БЕЗ СЛОВ

МАНЕКЕН

МИЛОЕ ИСЧАДИЕ

НЕПОДХОДЯЩИЙ ЖЕНИХ

О ЛЮБВИ

ОБРАТНЫЙ ХОД ЧАСОВ

ОДНАЖДЫ ВЕЧЕРОМ

ОТПУСК ПО УХОДУ

ПОЗВОНИ В МОЮ ДВЕРЬ

ПОЛИНА СЕРГЕЕВНА

ПОРТРЕТ СЕМЬИ

ПРОСТИТЕ МЕНЯ!

ПРО ДЕВУШКУ, КОТОРАЯ БЫЛА
БАБУШКОЙ

СДЕЛАЙТЕ ПОГРОМЧЕ

СТОЯНКА ЗАПРЕЩЕНА

ТАТЬЯНИН ДОМ

ТОЧКИ НАД «Ё»

ТЫ НЕ СЛЫШИШЬ МЕНЯ

УКУС ЗМЕИ

УРАВНЕНИЕ СО ВСЕМИ
ИЗВЕСТНЫМИ

ФАНТАЗЕРКА

ЦЕЛЮЮ РУЧКИ

ШКОЛА ДЛЯ ТОЛСТУШЕК

«ЖРЕБИЙ ПРАВЕДНЫХ ГРЕШНИЦ»

Сибиряки

Стать огнем

Возвращение

Наследники

НАТАЛЬЯ
НЕСТЕРОВА

*Жребий
праведных
грешниц*

СИБИРЯКИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н56

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Нестерова, Н.

Н56 Жребий праведных грешниц. Сибиряки: [роман] /
Наталья Нестерова. — Москва, Издательство АСТ,
2026. — 320 с.

ISBN 978-5-17-191734-0 (Серия «Любовь земная.

Истории Натальи Нестеровой)

Оформление — Екатерина Василевская

ISBN 978-5-17-192959-6 (Серия «Между нами,
девочками»)

Фотография автора — Ян Сизов

Оформление — Екатерина Василевская

Сибирь, двадцатые годы самого противоречивого века российской истории. С одной стороны — сельсовет, советская власть. С другой — «общество», строго соблюдающее устои отцов и дедов. Большая семья Анфисы под стать безумному духу времени: хозяйке важны достаток и статус, чтобы дом полная чаша, всем на зависть, а любимый сын — представитель власти, у него другие ценности. Анфисина железная рука едва успевает наводить порядок, однако новость, что Степан сам выбрал себе невесту, да еще и «доходягу шклявую, голытьбу беспросветную», для матери как нож по сердцу. То ли еще будет...

Дочки-матери, свекрови и невестки, братья и сестры... Искренние чувства, бурные отношения, горячие нравы. Какие судьбы уготовило сибирякам сумбурное столетие? Об этом — первый роман тетралогии Натальи Нестеровой «Жребий праведных грешниц».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-191734-0
ISBN 978-5-17-192959-6

© Н. Нестерова, наследники, 2026
Все права защищены
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Автор выражает искреннюю благодарность всем историкам, краеведам, этнографам, фольклористам, ученым других направлений, чьими стараниями собраны и сохранены бесценные свидетельства о прошлом Сибири.

ОСОБАЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Елене Михайловне Дутовой, заведующей отделом краеведения Центральной городской библиотеки города Омска, ведущему методисту отдела Оксане Викторовне Буратынской

Марине Александровне Жигуновой, кандидату исторических наук, заслуженному ветерану Сибирского отделения Российской академии наук.

Ларисе Алексеевне Ивановой, заведующей отделом этнокультурного наследия Историко-культурного комплекса «Старина Сибирская».

Российское могущество прирастать будет Сибирью.

М.В. Ломоносов (1763)

Сибиряки отличаются душевными особенностями: они умны, любознательны, предприимчивы.

Екатерина Великая

Сибирь совсем не Россия. Россия сама по себе, а Сибирь сама по себе.

П.И. Небольсин, русский этнограф, историк, экономист (1848)

Россия, пожалуй, возродится Сибирью. У нас остаются дураки, а сюда едет сметка, способность.

И.А. Шестаков, Управляющий Морским министерством (1886)

Боже мой, как богата Россия хорошими людьми! Если бы не холод, отнимающий у Сибири лето, и если бы не чиновники, развращающие крестьян и ссыльных, то Сибирь была бы и счастливейшей землей.

А.П. Чехов (1890)

...У них [у сибиряков] чрезвычайно, до болезненности, развито тщеславие и какая-то своеобразно-буржуазная и притом дурного тона практичность.

Т.И. Тихонов, корреспондент «Русского вестника» (1897)

Назови мне такое место в мире, где в 25 раз больше людей, исполненных подлинного героизма, любви к свободе, образованных и умных! Такое место в мире — Сибирь!

Марк Твен. «Том Сойер за границей»

Сибиряки — особый тип людей (преимущественно русских), обладающих сибирским характером: сильные, выносливые, трудолюбивые, гостеприимные, демократичные, добрые, щедрые, толерантные, с хорошими адаптационными способностями, любящие мороз и зиму. <...> Все русские сибиряки имеют более крупные размеры по сравнению с русскими европейской части страны.

Энциклопедия Сибири

Часть первая

ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ, 1923 ГОД

Анфиса

Степан ужинал затемно. Домашние три часа назад встали из-за стола. Работники ушли отдыхать в свою каморку. В горенке находились мать с отцом, брат с женой да младшая сестренка. Степану прощались и опоздания, и неучастие в хозяйственных работах. Степан — власть, председатель сельсовета.

Хлебной корочкой Степан подобрал остатки еды в тарелке. Мать терпеть не могла эту его привычку босяцкую, приобретенную то ли когда со старателями в тайге промышлял, то ли когда служил в Красной армии. Степан поднял голову и застыл на секунду — будет мать его отчитывать или стерпит? Промолчала.

Прежде чем отправить хлеб в рот, Степан сказал: — Сватов засылайте. Жениться буду.

Руки матери, Анфисы Ивановны, непроизвольно дернулись, но она не всплеснула ими, сложила на груди. Марфа, жена младшего брата Петра, уро-

нила оловянную чашку, и та гулко покатилась в угол. Марфа давно, тихо, безответно любила Степана. Отец, Еремей Николаевич, отложил в сторону доску, на которую переводил рисунок оконного наличника. Петр дурашливо загоготал. Младшая сестренка, тринадцатилетняя Нюряня, подскочила к Степану, радостно смеясь, пристроилась сбоку, обхватила за талию. Нюрянин детский смех был чист и уместен, а гогот Петра нелеп и досадлив.

— У, халда! — прикрикнула Анфиса Ивановна на невестку. — Не ты наживала, не тебе колотить!

Оловянная чашка расколоться не могла, и све-кровь ругала Марфу для порядку и для того, чтобы получить передышку, осмыслить негаданную радость. Только радость ли? Степану почти тридцать лет, и жениться мать его давно принуждала. Но у сына был один ответ:

— Еще погуляю.

— Погулялка сотрется, — злилась мать.

И подыскивала ему невест, одна другой краше и справней. Ту же Марфу взять — Степану предназначалась, да он наотрез воспротивился. За Петьку сосватали — грех был бы такую работающую девку упускать. Двух батраков уволили, как Марфутка в дом пришла. А Степа, из старательской таежной артели вернувшись, в красноармейцы подался, Колчака бил, потом бунт крестьянский подавлял. Слава Господу, живой вернулся и без ранений. Опять-таки при власти оказался. Хотя пользы для семьи от его власти — как с воробья сала.

Ничего поделать с большаком — так у них старших сыновей называли — Анфиса не могла. Степан

не Петька, который по родительской указке жил, а своего ума хватало только сопли подтереть. Степан — мужик самостоятельный, могутный и телом, и нравом, и словом. Его через колено не сломаешь, сам кого хочешь ломает.

— И кто ж тебе глянулся? — спросила мать. — Кому сватов засылать?

— К Прасковье Солдаткиной.

Анфиса Ивановна вспыхнула, точно ей нанесли страшное оскорбление. Рот открыла, а слова не шли, язык не слушался. Огляделась по сторонам в поисках поддержки: муж молчит, только нахмурился слегка, Марфа сгорбилась над тазом, посуду моет, лица не видать, Петька головой мотает — как бы осуждает, но и радуется одновременно, хочет посмотреть, как большаку на орехи достанется. Нюраня испуганно к брату прижалась, он ее по голове гладит, успокаивает.

— Еремей Николаевич! — хрипло потребовала от мужа вмешаться Анфиса Ивановна.

Он только плечами пожал, взял доску и продолжил наносить рисунок. Еремей не боялся криков жены, но не любил ее воплей. А громы метать по каждому поводу и без повода — под настроение — Анфиса была мастерица.

Вот и теперь она, голос обрета, разорялась:

— Спасибо, сыночек! Низкий поклон за большую честь! Порадовал! Перед людьми не стыдно! Ты кого в дом вознамерился привести, окаянный? Доходягу шклявую, ни кожи, ни рожи, голытьбу распоследнюю...

— Мамаша! — предостерегающе поднял руку Степан.

— Что мамаша? Затем тебя мать в муках рожала, чтобы ты позорил ее перед обществом? Нашел невесту, на которую последний пропойца не позарится! Долго искал, сыночек. А то ехал бы сразу в Омск, там в богадельне убогих, да калеченых, да умом тронутых тыщи, промеж них получше Параськи нюхлой кого отыскал бы!

Степан еще раз погладил по голове сестренку, встал и направился к двери. У порога обернулся:

— От желанья сердца женюсь, а не по вашим буржуйским представлениям.

— Не смей мать похабными словами обзывать! — зашлась в крике Анфиса Ивановна. — Дубина стоеросовая! Окрутила его ушлая девка, хочет за наше богатство покорыстоваться...

Но сын ее уже не слушал. Хлопнул дверью, в сенях надел тулуп, натянул шапку и вышел на улицу.

Гнев Анфисы Ивановны занялся, как дрова в печи, разгорался в полную мощь, требовал выхода. Оглядевшись по сторонам, Анфиса Ивановна выбрала в жертвы Марфу, принялась обзывать ее и винить в грехах надуманных, несуществующих. Марфа покорно, свесив руки вдоль тела, опустив голову, стояла у печи, а потом вдруг простонала горько, прижала к лицу фартук и разразилась плачем, неприлично громким. Все застыли от неожиданности и удивления. Марфа уткнулась лбом в печную стенку и плакала навзрыд. Из-за чего? Если свекровь ругает невестку, за дело или без дела, — это нормально и привычно. Для того и свекровь, чтобы

учить молодуху. Слезы невестки — тоже в обычае. Только невестка должна плакать тайно, схоронившись от чужих глаз, а вот так выть положено, только получив известие о покойнике, преставившемся родном человеке. Выплеснуть горе, а потом во второй раз на похоронах зайтись в горестном плаче. А когда баба по каждому поводу мокроту разводит — это дурной характер и плохое воспитание, изнеженность. Потому что слезы — от себяжаления, а в крестьянском быту никому не нужна работница, которая своими обидами тешится.

— Ты чего? — растерялась Анфиса Ивановна. — Ополоумела?

— А ну цыть! — подал голос Еремей Николаевич и стукнул деревяшкой по лавке.

Было непонятно, кого он приструнивает — разбушевавшуюся жену или рыдающую невестку. Марфа бочком, по печной стенке скользнула в их с Петром комнату. Следом туда шмыгнула Нюраня. Петр удивленно пожимал плечами и при этом продолжал подгогатывать. Все ему весело.

— У! Турка! — обругал Еремей Николаевич жену.

Значит, на нее осерчал. Сердце у Еремы доброе, хоть и ленивое. Ему тишь нужна, чтобы со своими деревяшками возиться, а посторонние или родные люди со своими горестями, да и с радостями, только докука.

Турками в селе звали род Анфисы Ивановны. Когда-то ее предок привез в тамбовскую деревню с войны жену-турчанку. Смуглая, чернявая, глаза как угольки, нос ключиком — чисто птица галка.

Может, она по национальности и не турчанкой была, а бессарабкой или албанкой, или с арабских земель — кто ж знает. Но басурманка — точно. Крестили Аксиньей, а звали все Туркой. Православной веры сердцем Турка не приняла, под сарафан штаны ситцевые поддевала, русской речи толком не усвоила, в церкви стояла, точно кол проглотила, деревянной рукой крестилась. Зимой мерзла до трясушки. Турке, конечно, приписали и дурной глаз, и колдовство-ведовство. Туркина корова молока давала по ведру в день, хотя Турка никогда положенных обрядов с буренкой-кормилицей не совершала. Или свои басурманские приговоры втайне шептала? Если у кого-нибудь скот хирел и подыхал, грешили на Турку как на ближайшего и очевидного виновника падежа. Неизвестно, как сложилась бы ее судьба — за гибель скота могли и жизни лишить, — но Турка умерла третьими родами, истекла кровями. На следующий день преставились и новорожденные близнецы. У крестьянок редко двойни бывали, а у Туркиных потомков с постоянством рождались и с таким же постоянством умирали, крестить не успевали. Это тоже был знак басурманской крови, по общему мнению. Первыми родами и у Анфисы двойня была — маленькие синюшные девочки размером с цыплят, суток не прожили.

В крестьянской среде не хуже, чем в дворянской, помнят, кто какого рода-племени, до пятого колена предков перечислят. Прапрадед был косым, у праправнука глаза правильно смотрят, а все равно Косым кличут. Пришлые же, вроде Турки, про кото-

рых ничего не ведомо, были обречены на подозрительность и недоброжелательство.

После Турки остались двое детей, мальчик и девочка, Анфисина бабка. Их тамбовская деревня была казенной, то есть крепостной, но царю принадлежащей. Прадед, Туркин муж, как отставной солдат получил вольную, и его потомство, соответственно, тоже. Это не добавляло любви к Туркам. Правда, вскоре, еще до общей отмены крепостного права, вольную получили все. В жаркий и ветреный июльский день деревня сгорела до последней сарайшки. Дикий пожар не пощадил пашню и лес. Правительство не бросило крестьян, а переселило на берега реки Иртыш.

О трехлетнем пути в холодную и страшную Сибирь Анфиса знала из рассказов бабушки Феклы. На тракте дежурные избы стояли только в казенных деревнях, где имелось Общество — местная сельская власть, которой вменялось кормить путников, но еда была скудной, и на всех не хватало. В помещичьих деревнях пропитание можно было получить лишь за работу или Христа ради. Бабушку — тогда ей семь или десять годков было — посылали побираться, она ходила просить кусочки, а брат Вовка отказывался нищенствовать, но отбирал у нее, не успевала донести мачехе, тятe и младшей сестренке, которая уже от второй, русской, жены родилась. Почему-то бабушке более всего запомнилось, как Вовка отнимал у нее скудное подавание и самолично съедал его торопливо и жадно — точно щенок бродячей собаки.